

Александра КОУТС

Александра КОУТС

КЛУБ ЮНЫХ
ВДОВ

Издательство АСТ
Москва

alloyentertainment

PRODUCED BY ALLOY ENTERTAINMENT, LLC

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Cое) 44
К73

Alexandra Coutts
YOUNG WIDOWS CLUB

Published by arrangement with Rights People, London

Produced by Alloy Entertainment

Оформление обложки *Климовой Екатерины*

Коутс, Александра.

К73 Клуб юных вдов: [роман] / Александра Коутс; пер. с англ. М. Павлычевой. – Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-096949-4

Тэмсин встретила свою самую большую любовь, когда ей было четырнадцать, в семнадцать лет она выходит замуж, потому что верит, что эта любовь на всю жизнь. Но мир рушится, когда сердце ее девятнадцатилетнего мужа перестает биться.

Какого цвета горе? Как оно выглядит? Как ощущается сквозь обжигающие всполохи гнева и едкую горечь отрицания? Через ошибки сердца, искушение ложными надеждами Тэмсин и Колин начинают свой путь к исцелению и счастью, которого так хотели для них те, кого они потеряли.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Cое) 44

ISBN 978-5-17-096949-4

Copyright © 2015 by Alloy Entertainment and
Alexandra Bullen Coutts

© Павлычева М., перевод на русский язык
Copyright © ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается моим братьям,
Джорджу и Джону*

ПРОЛОГ

Сегодня один из тех дней, когда кругом тишь, а облака похожи на сахарную вату.

Ной в своей любимой линялой рубашке. Мы стоим у воды, толпа полукругом собралась позади нас. Людей так много, что лица стоящих по краям теряют очертания. Ной улыбается, берет мои руки в свои, и я на минуту забываю о тех, кого мне так не хватает.

О моей маме.

О моем папе.

О моей семье.

Теперь моя семья — Ной.

Лохматый священник, приятель отца Ноя, произносит слово за словом, но я выхватываю только некоторые: «в горе и радости», «навсегда». Ной лезет в карман за кольцами. Прохладный золотой ободок легко скользит по пальцу, но застревает на костяшке. Я улыбаюсь и с силой просовываю палец в кольцо.

Мы смеемся.

Внутренний голос присоединяется шаблонными фразами — я и не думала, что мне когда-нибудь захочется их услышать.

«Мы будем вместе до конца дней».

«Сегодня начинается настоящая жизнь».

«Это только начало».

Фразы повторяются и повторяются, будто какую-то часть меня еще нужно убеждать.

Мы целуемся, и меня словно качает на волнах.

Я вижу нас, босых, соленый морской ветер сплетает пряди наших волос. Вижу, как окружающие хлопают в ладоши, кричат что-то радостное, теснее смыкаются вокруг, будто притянутые магнитом. Вижу всех нас, и люди кажутся мне крохотными фигурками в шаре с метелью, счастливыми, застывшими в стеклянном плену.

Тогда я не знала, что это было не просто началом.

Это было началом конца.

* * * * *

Спустя шесть недель стекло разбито.

Спустя шесть недель Ной мертв.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утром в день похорон своего мужа ни при каких обстоятельствах не стоит:

А. Мучиться похмельем.

Б. Лежать, завернувшись в спальный мешок, который пахнет леденцами «Веселый фермер».

В. Быть семнадцатилетней.

Г. Всё, перечисленное выше.

Мой телефон раздражается перезвоном колокольчиков, от которого я, по идее, должна мирно проснуться. Спросонья тычу в экран, но телефон выскальзывает из моих неловких пальцев и, упав на пол, отлетает куда-то в сторону.

Вылезаю из спального мешка, который отыскала в подвале в коробке. Мешок маленький, для ребенка, и, судя по стойкому запаху леденцов, Ной не пользовался им с того лета, когда ездил в музыкальный лагерь в Нью-Гемпшире. Вообще-то называлось это не «музыкальным лагерьем», а как-то круче, что-то вроде «Высокогорная школа по обучению технике импровизации и теории композиции».

Он выиграл право на бесплатное обучение и делал вид, что терпеть не может эту школу, хотя по его сумбурным письмам и сентиментальным открыткам я понимаю, что это и было для него воплощением рая: место, где день наполнен музыкой.

Интересно, можно ли обмануть саму себя и считать, будто он там? В лагере, которым руководил парень с Ямайки, в лагере с двухъярусными кроватями, с соседями, которые, кажется, никогда не были в душе, и с бесконечными джем-сейшенами, в лагере, где он научился «варить» майки, разжигать костер и писать песни.

В распахнутые незашторенные окна врывается солнце. Заниматься шторами поручили мне. Когда-то — всего лишь на прошлой неделе, но мне кажется, что это было тысячу лет назад, — я собиралась зайти в магазин тканей, а потом попросить Молли, мать Ноя, чтобы она помогла мне освоить старинную швейную машинку, которая стояла у нее в офисе. Ной утверждал, что ему понравится все, что я выберу. Я знала, что ему плевать на шторы, но радовалась, что передо мной поставлена важная задача. Таков был наш договор: Ной и его отец, Митч, строят наш дом. Молли помогает мне обустроить его.

А теперь у меня есть лишь недостроенный коттедж с голыми стенами. Нет, еще с кроватью, на которую мне тошно смотреть. Еще у меня есть ванная без раковины и детский спальник моего умершего мужа.

Глазам больно, я тру их кулаками и смотрю в окно. На стеклах снаружи еще сохранились фабричные наклейки. Я четко, как на фотогра-

фии, вижу дом Митча и Молли, ведущую к нему посыпанную гравием подъездную дорожку. Джипа возле дома нет, а вот грузовичок Митча на месте. Значит, они уехали вдвоем. Вчера вечером Митч оставил записку с предложением подвезти меня, но я углядела нечто неправильное в том, чтобы ехать на похороны Ноя с его родителями. Хватит и того, что я живу у них на заднем дворе. Самое меньшее, что я могу сделать, — это повести машину сама.

Торопливо одеваюсь. Вытаскиваю из полупустого чемодана на полу фланелевую рубашку Ноя и застегиваю потертые джинсы, которые последние четыре дня почти не снимала. Сдергиваю ключи с крючка на стене, стараясь отогнать воспоминание о том, как Ной сосредоточенно и радостно его прибывал. И о том, как он мягко напоминал мне, что вещи теряются гораздо реже, когда у них есть свое место.

Воздух снаружи липкий и плотный. В нем чувствуется напряжение, как будто собирается дождь, и мне очень хочется, чтобы он действительно пошел. Но на небе ни облачка, и это нечестно. Сегодня должно быть пасмурно. И солнце должно спрятаться. А оно красуется себе в вышине, гнусно хвастаясь ярким, непрошеным светом.

На противоположной стороне улицы хлопает входная дверь. Миссис Ходжсон ковыляет по расшатанным доскам террасы. Нечесанные волосы торчат в разные стороны, на ногах — толстые шерстяные носки и шлепанцы.

— Бёрди! — сложив рупором морщинистые руки, кричит она, подзывая своего древнего кота, похожего на свалывшийся комок шерсти.

Я представляю, как кот сидит на дереве или забился в какой-нибудь влажный и прохладный уголок под террасой. Представляю, как меняется голос миссис Ходжсон, когда она наконец слышит шорох. Представляю, как на крыльце состоится их радостное воссоединение, и в очередной раз думаю, как же это неправильно — что жизнь продолжается.

Но не моя. Моя жизнь остановилась несколько дней назад. В то утро, когда Ной не проснулся. Накануне он поздно вернулся с репетиции у Макса. Я слушала, как он на ощупь пробирается по темной комнате. Почувствовала, как он поцеловал меня в затылок. Слышала, как он двигает туда-сюда подушку. Он всегда так делает — *делал* — чтобы пристроить голову поудобнее. И в какое-то мгновение после всего этого, но до того, как я пришла к нему после завтрака — половинка банана на тосте с арахисовым маслом и медом, — его сердце перестало биться.

Почти все время мне кажется, что и мое сердце не бьется. Но я все еще здесь. И Митч с Молли тоже здесь. Миссис Ходжсон, Бёрди, спальные мешки, «Веселый фермер» — все это продолжает бесцельно существовать во вселенной и равнодушно занимать место. Я завожу машину Ноя, прислушиваюсь к звуку двигателя и в тысячный раз за неделю думаю, что с радостью отдала бы все это. Я согласилась бы жить в картонной коробке и никогда не видеть других людей, если бы это вернуло все на круги своя, вернуло то время, когда Ной был жив, и я могла спать, и мир не был таким мерзким.

* * * * *

Стоянка перед церковью забита. Хэтчбэки «Субару», ржавые пикапы и древние модели «Фольксвагенов» взбираются на травянистый склон и загромождают обочину узкой дороги. Я делаю круг, забиваю на парковку и нахожу местечко на детской площадке на противоположной стороне улицы. В скверике тоже не протолкнуться — как всегда в субботнее утро здесь толпы народу. Дети качаются на качелях, двое мальчишек в похожих флисовых курточках крутят пустую карусель, родители сидят на скамейках и не обращают на детей внимания.

Я вижу, как Росс и Юджин бегут через церковный сад. Такое впечатление, будто они одеты в одинаковые костюмы — на них нечто серое в «елочку». Наверняка это не их одежда, но выглядят они прилично. Лучше, чем я. Лучше, чем должны выглядеть после ночи, проведенной в подвале Росса, где все делали вид, будто репетируют, а на самом деле пялились на свои руки и рассуждали о том, как это плохо, что Ной умер, а мы нет.

Машины замедляют ход, и я перехожу улицу, не глядя по сторонам. Все, кто должен был прийти, уже внутри. Снаружи остались только зеваки — сидят в машинах, грызут ногти и сокрушенно качают головами. Я буквально слышу, как они громким шепотом рассказывают друг другу то, что им якобы известно. «Слышали? Сын Митча Коннелли. Наркотики? Ужасно. Трудно. Такое. Представить».

Слухи на острове скачут туда-сюда, как шарики в пинбольном автомате, факты и выдумки сталкиваются, разбегаются и снова стал-

киваются. Я сбежала из дома и стала сначала малолетней невестой, а потом вдовой, и поэтому хорошо разбираюсь в слухах. Знаю, как они зарождаются, когда для них есть основания, а когда это просто запутанный клубок, в котором нет ничего, хотя бы отдаленно похожего на правду.

А сейчас правда была дико скучной. Сердце Ноя перестало биться. Вот и все. Не было у него никакого «состояния здоровья». Вскрытие — как оказалось, оно полагается и реальным людям, а не только несчастным жертвам в сериале «Закон и порядок», — не обнаружило ни следов наркотиков, ни каких-либо отклонений. Врач «Скорой помощи», долговязый дядька с редким зачесом на лысине, объяснил: произошло, вероятно, то, что называют «синдром внезапной аритмической смерти». СВАС. Это официальная аббревиатура. Предугадать такое невозможно, и сделать ничего было нельзя. Мы лишь знаем, что эта внезапная аритмическая смерть, СВАС, обернулась для нас горем.

В церкви тихо, пахнет кофе и гардениями. Цветы повсюду, огромные букеты стоят у каждой скамьи и вокруг гроба. У меня дрожат колени, и на секунду кажется, что я сейчас вырублюсь. А еще я жалею, что надела джинсы. Больше ни на ком джинсов нет, а мне совсем не хочется давать еще один повод таращиться на меня.

Ной надел бы джинсы. Ной всегда носил джинсы. Поношенные, с дырами, потертостями и обтрепанным низом — почему-то они всегда отлично на нем сидели. Он надел джинсы и в день нашей свадьбы. Он называл их «мои кру-

тые свадебные джинсы». Мы вместе купили их в аутлете *J Stew* на материке: темно-синие тертые джинсы с белой строчкой на карманах. Он делал вид, будто собирается отгладить их, хотя ни у кого из наших знакомых утюга не было. Ной надел их только на свадьбу, потом повесил на деревянную вешалку в нашей самодельной гардеробной. И ни разу больше не надевал.

Я ищу место на задних скамьях, но там свободных мест нет. Свободных мест вообще нет. Люди стоят вдоль стен в три ряда, и я подумываю о том, чтобы втиснуться между ними, но замечаю мисс Уолш, свою старую учительницу по углубленному английскому. Старую не в смысле возраста, на самом деле она молодая, и у нее потрясающие вьющиеся рыжие волосы. Я бы любила и ее, и ее уроки, если бы не была так одержима мыслью вообще бросить школу. Когда я призналась в своих намерениях, она расстроилась, долго сжимала мое плечо и спрашивала, уверена ли я, поэтому сейчас мне ужасно неприятно стоять у гроба моего мужа вместе с ней и всеми этими людьми.

Пастор Пол сидит рядом с Митчем и Молли в первом ряду, и все трое поворачиваются и машут мне. Я не была в церкви со дня свадьбы папы и Джулиет, да и тогда большую часть церемонии проторчала на крыльце.

Все во мне противится необходимости долго, в полном молчании идти по центральному проходу. Сланцы глухо шлепают по деревянному полу. Я ощущаю себя, как в кошмаре, когда оказываешься голой перед толпой, только в этой толпе люди не чужие, а знакомые, и я не голая, а в сланцах и очень хочу умереть.